

Ирина

МУРАВЬЕВА:

А я не хочу умереть на сцене...

Известия — 1999 — 6 февр. — С. 7

Самая рыжая, самая веселая, самая молодая: в то, что 8 февраля Ирина Муравьева отметит пятидесятилетний юбилей, поверить невозможно. В фильме «Москва слезам не верит» ее видели все, многие ходили на нее в Театр Моссовета, сейчас она стала одной из ведущих артисток Малого театра... Со стороны Муравьева кажется воплощением успеха, но на самом деле это далеко не так. Ее профессиональный путь не был ровным, ее сценическая судьба складывалась сложно... Впрочем, на свою работу она всегда смотрела трезво.

— О чем вы просили Мельпомену, когда решили стать артисткой?

— Я хотела немногого. Вообще-то я собиралась стать учительницей младших классов, но потом полюбила стихи, стала завзятой театралкой... И пошла в актрисы. Моей любимой книгой была «Моя жизнь в искусстве» Станиславского, моей мечтой — маленький, уютный город. Там будет такая же чудесная труппа, как в раннем МХТ, и я буду играть большие роли... Вот такой у меня был план. А вышло все по-другому. В первый год я провалилась во все театральные вузы подряд, во второй меня приняли только в студию при Центральном детском театре, где я получила среднее театральное образование. (Заочное отделение ГИТИСа я закончила гораздо позднее.) После студии меня оставили в ЦДТ, и я работала там семь лет... А потом ушла в Театр Моссовета.

— И долго считались его молодой, восходящей звездой, но в призы так и не вышли...

— У меня были довольно большие роли, например Грушенька в «Братьях Карамазовых», но в общем и целом мною никто не занимался, я никому не была нужна. А я так не могу. Я очень зависимая актриса, мне нужно чувствовать интерес режиссера — если этого нет, я теряю и уверенность в себе, и вкус к профессии. Наступил момент, когда я решила: все, с меня достаточно, надо уходить. И ушла в никуда.

— Как в вашей жизни возник Малый театр?

— Сначала возник Театр Армии, которым тогда руководил Леонид Хейфец. Он ставил мюзикл Гладкова по пьесе Островского «На бойком месте» и предложил мне главную роль, но его спектакль задерживался... И тут меня позвал к себе Юрий Соломин. Я очень благодарна Малому театру — он возродил во мне артистку. Я с удовольствием сюда прихожу, мне хочется здесь работать, я играю главные роли в пьесах Чехова и Островского. Театр Моссовета «мужской», актрисе там очень тяжело выдвинуться. Я была вялая, закомплексованная, мне казалось, что все ужасно. Кому-то давали главные роли, а я редко играла и чувствовала себя на самом дне. Для комедийной артистки это ужасное состояние — разве можно с таким настроением веселить публику? В Малом у меня началась новая жизнь, я даже лучше выглядеть стала.

— Малый часто величают «театром-музеем». Но музейная экспозиция, как известно, живую жизнь не блещет...

— Я не знаю, как мы выглядим из зрительного зала. Но здесь, изнутри, все живое. Я человек новый, к тому, что происходит вокруг, особенно не приглядываюсь, но на репетициях говорю о живом. И артисты живые...

— Изменилось ли за последние годы отношение к сцене?

— В 60—70-е годы у нас был замечательный театр: в нем работали

Пуделя Маню-Штрауса Ирина Муравьева любит сильнее, чем Мельпомену

очень большие режиссеры, большинство московских трупп было на подъеме. Теперь тоже появляются хорошие спектакли, но мне кажется, что сегодняшнему зрителю любить театр особенно не за что... И все же молодые люди по-прежнему идут в актеры и относятся к своему делу так же, как относились мы. Им приходится нелегко — кино почти не снимается, на телевидении нужны одни певцы и ведущие. Как быть, если ты молод, никому не известен и тебе надо кормить семью? Как жить молодому человеку, который получает пятьсот рублей в месяц и хочет, чтобы сын им гордился? Куда засунуть свое самолюбие? У нас в театре есть прелесть — молодая актриса. Ставку на нее здесь не делают (на мой взгляд, совершенно напрасно), но тем не менее она кое-что играет. Вечером она расклеивает афиши: отыграла, взя-

ла пачечку — и шлеп, шлеп, шлеп... У меня, слава Богу, таких проблем нет: выручает антрепризный спектакль «Актеры меж собой» (московская премьера должна состояться 26 февраля в Доме актера).

— Но уж кино-то вы, во всяком случае, не обижены — вас очень много снимали...

— Зато сейчас не снимают почти совсем. Когда-то у меня дома лежала кипа сценариев. А сейчас принес ли один (он называется «Старые клячи»), я прочла, на меня посмотрели. И сказали: «Пожалуй, нет». Я, оказываясь, чересчур хорошо и молодо выгляжу для клячи.

— В свое время писали о том, что внешне и внутренне вы идеально попали в типаж сегодняшней горожанки...

— А может быть, я и создала этот образ? Может быть, без моих ролей

сегодняшнюю горожанку представляли бы как-нибудь иначе?

— Актеры часто говорят: «Театр — вся моя жизнь, я посвятил себя искусству...»

— Что вы, что вы, не дай Бог! Надо совсем сбрендить, чтобы сказать такое. Моя жизнь — это моя семья. А театр — это мой интерес, место приложения моих сил. И вообще я уверена в том, что жить надо спокойней. Нужно только понять, какое дело хорошее, а какое нет, — и тогда оно само тебя куда-нибудь вывезет.

— А как же разговоры о том, что актер не может жить без сцены?

— Так ведь я же смогла. После того как я ушла (или меня ушли) из Театра Моссовета, я довольно долго вообще нигде не работала.

— Значит, вы не вполне обычная актриса.

— Я нормальная, как табуретка. Дело в том, что у меня никогда не было грандиозных амбиций. Я хотела работать в хорошей труппе, хорошо играть хорошие роли и чтобы тем, кто будет вокруг меня, было хорошо... Я мечтала, чтобы театр стал моим домом.

— А что вам милее из ваших киноработ?

— Поначалу надо было много сниматься, и я соглашалась на все, что предлагали. Были и хорошие роли, например в «Чисто английском убийстве». А в нескольких фильмах я снималась зря, какого-то шоферу я играла... А потом Меньшов увидел меня в спектакле Детского театра, в «Сказке о четырех близнецах», и я снялась в «Москва слезам не верит». После мне предлагали очень много сценариев — но тут уже пошло одно и то же.

— Я очень люблю «Эту женщину в окне»... Почему вы морщитесь?

— Я люблю моего мужа, Леонида Эйдилина, который снял этот фильм. Но это не моя лента. Снималась я в ней тогда, когда ушла из театра, в ужасный для себя момент. Я жутко выглядела, была потухшей и распухшей: все остальные отыгрывали свои сцены и разбежались по театрам, а я сидела в углу — мне спешить было некуда. До меня очередь доходила к вечеру, когда я была по блекшей и глубоко несчастной. Отоснявшись, я ехала домой, ложилась на диван и смотрела в потолок... Нет, не люблю я этот фильм.

— Вы давно замужем?

— У нас уже была серебряная свадьба. Мы ведь еще в Центральном Детском познакомились: я была актрисой, мой будущий муж — режиссером. У нас двое детей — одному двадцать четыре, другому шестнадцать лет.

— Чего вы ждете от профессии?

— Что я еще могу от нее ждать? Я играю Купавину и Аркадину, Раневскую и Гурмыжскую, о том, какой юбилей я отмечу 8-го числа, вы знаете. Лучших ролей у меня уже не будет. Я смогу играть в Островском, в моем расписании будут большие эпизоды... Но с главных ролей мне придется уйти.

— Чего вы хотите от судьбы?

— Шестнадцатилетний Блок написал, что хотел бы умереть на сцене. А я не хочу умереть на сцене. Я хочу вовремя уйти. Я играла вместе с передвигавшейся от стула к стулу Раневской и отлично помню, как зал в ответ на ее импровизации взрывался аплодисментами. (А дело-то было в том, что она уже не помнила текст.) Старики всегда нехороши на сцене, но понять этого не дано никому: зрители хлопают им за то, что они еще есть. Боюсь, что и я такая буду.

Алексей ФИЛИПОВ